

УДК 82.0–82–131

ОБРАЗ МИРОВОГО ДРЕВА В КАЧЕСТВЕ МИФОПОЭТИЧЕСКОГО СИМВОЛА  
В ПРОСТРАНСТВЕ СНОВИДЕНИЙ ЭПОСА “МАНАС”

*Н.Х. Бекмухамедова*

Рассматривается образ-символ “Байтерек” в сновиденческом пространстве киргизского эпоса “Манас”.

*Ключевые слова:* поэтика героического эпоса; мотив сновидения; мифопоэтический символ; миф; художественная эпическая традиция; семантика.

---

IMAGE OF THE WORLD TREE AS THE MYTHOPOETIC SYMBOL  
IN SPACE OF DREAMS OF THE EPOS "MANAS"

*N.H. Bekmuhamedova*

The article considers the image-symbol "Bayterek" in dreaming space of the Kyrgyz epos "Manas".

*Keywords:* poetics of the heroic epic; motif of dreams; epic symbol; myth; artistic epic tradition; semantics.

Сновиденческое пространство эпоса “Манас” – это мир символов, состоящий из относительно однородных и устойчивых к изменению во времени образных объектов, к которым более всего подходит для описания структурно-семиотический метод. В книге “Семиосфера. Культура и взрыв” Ю. Лотман рассматривает сновидение как “семиотическое окно” и формулирует возможность увидеть в художественном, литературном тексте “метатекст” [1, с. 123–124]. Проблема толкования сновидений в культуре поднималась и в аналитической психологии, в частности, К. Юнгом, который указал на общность архетипической основы мифологической символики с символикой сновидений: “В сновидениях присутствуют бесчисленные взаимосвязи, параллели к которым можно найти только среди мифологических комбинаций, идей” [2, с. 87–88].

В задачи нашей статьи входит изучение контекстных символических значений образа “Байтерек” в пространстве сновидений героев эпоса, который представляет национальный вариант образа-архетипа Мирового древа в среде киргизской, казахской и некоторых других тюркоязычных культур [3, с. 207–209].

В названии “Байтерек” два корня: “бай” – богатый, “терек” – тополь, что, вероятно, древними предками, прежде всего, связывалось с плодоносящей силой, рождением жизни, ее неуничтожимости, бессмертием.

Описательный образ “Байтерек” в сюжетной структуре киргизского эпоса, как правило, возникает только в пространстве мотивов вещего сна и мотивов видений героев, т. е. в особых зонах сакрального, сверхчувственного мира. Образы Мирового древа присутствуют в архаических эпосах тюрков и монгол Южной Сибири и Саяно-Алтая в обычном, профанном пространстве сюжетного действия. Так, в радловской записи образ-архетип возникает во сне Канькей в сюжетной теме “отравления Манаса козками” и во сне Семетея в сюжетной теме “гибели Семетея во время обряда поминовения” [4, с. 100; 8, с. 241]. В варианте С. Орозбакова образ Золотолиственной чинары возникает во сне Акылай в сюжетной теме “походов Манаса против Шоорука” [5, с. 860]. В варианте Жусупа Мамайя во второй части трилогии, “Семетее”, – во сне Жамгырчи, в сюжетной теме “сражения Жамгырчи со своим сыном и их гибелью” [6, с. 190]. В варианте сказителя С. Каралаева образ Байтерек в своем символическом значении появляется во сне Канькей, увиденном незадолго до гибели героев в Бейджине, а во второй части – в видении Канькей, возникшем во время ее бегства с малолетним Семетеем в Бухару [7, с. 926; 8, с. 48–49].

Кроме того, как эпитет или сравнение, образ встречается при характеристике героя, который в переводе на русский язык заменяется его ассоциативными значениями. Так, об аксакале Бакае Манас произносит: “Мандайыма барааным, байтерек

Бакай карааным” – “Ты моя надежда, опора, Бакай, и упование” [9, с. 229]. В качестве метафорического эпитета героя Серека образ обогащается постоянным признаком многих вариантов Мирового дерева – “золотыми листьями”:

Жапырагы алтын Байтерек –  
Сандыргалуу Эр Серек,  
Ал өнөрү болбосо  
Серек деп айтыш не керек.  
[5, с. 1043].

С золотыми листьями Байтерек –  
Аккуратный собою Эр Серек.  
Если этим искусством он не обладает,  
Зачем тогда звать его Серекком.

Уже в самой ранней по записи трилогии эпоса “Манас”, осуществленной В. Радловым в XIX в., образ-архетип Мирового древа встречается в тексте памятника в качестве мифопоэтического символа в сновидении героини Каныкей. Особенностью данного сновидения Каныкей является то, что оно снится не накануне события, как обычно, а после, подводя итог событию, о котором известно слушателям, но об этом не могли знать другие герои и сама сновидица.

Богатырь Манас подвергается отравлению со стороны его завистливых “окалмычившихся” родичей Козкаманов, стремящихся стать во главе народа. Доверчивый и ничего не подозревающий Манас принимает приглашение и, отведав угощения, чувствует себя плохо, после чего уходит на своем коне в безлюдное поле, где умирает. Его останки и бродящих вокруг коня, охотничьей птицы и собаки замечает дух-хозяин Талаа (Поля) и просит пери Алтынай (волшебную деву) воскресить их хозяина, проникшись уважением к преданности животных. Пери Алтынай возводит юрту над телом Манаса и оживляет его (как она это делает – не рассказывается). Манас не помнит о своей смерти и событиях, связанных с этим, и остается на некоторое время с девицей Алтынай, охотясь в окрестностях. Вслед за этим действие переносится в аил Манаса, где должно быть, обеспокоенные его долгим отсутствием члены семьи героя пребывают в тревожном неведении. Введение мотива сновидения необходимо для выражения психологического состояния героини, и в то же время ее провиденциальной мудрости:

Ай карангы түн экен,  
Ай төбөдөн тууптур!  
Күн карангы күн экен,  
Күн төбөдөн тууптур!  
Коломтодон бир терек  
Колтойо тирек чыгыптыр!  
Бир бутагы кайрылып  
Айдын көзүн алыптыр!

Бир бутагы кайрылып  
Күндүн көзүн алыптыр!  
Күн ыссык болгондо  
Көлөнкөлөп жүрүптүр –  
Күмүш-жону Каныкей  
Көлөнкөлөп жүрүптүр!  
Бир бутагы кайрылып  
Аспандын көзүн алыптыр!  
Ала-Тоодой Жакып кан  
Аа көлөнкөлөп жүрүптүр!  
Бир бутагы кайрылып  
Жердин жүзүн алыптыр!  
Жер суук болгондо  
Багды-дөөлөт байбиче  
Аажылынып жүрүптүр!...  
Падышам Манас тирилип  
Тирилип келген жүрбөйбү?

Была безлунная ночь,  
Но появилась верхушка луны!  
Был темный (пасмурный) день,  
Но появилась верхушка солнца!  
Из расщелины один тополь,  
Расширяясь, стал расти!  
Одна его ветвь развернулась  
И достигла глаз луны!  
Другая ветвь развернулась  
И достигла глаз солнца!  
Когда настал жаркий полдень,  
Кто-то прятался в тени ее:  
Это с серебряной талией  
Каныкей ходит под тенью ее!  
Еще одна ветвь развернулась  
И достигла глаз неба!  
Джакып, подобный горам Ала-Тоо,  
Ходит под тенью ее!  
Еще одна ветвь развернулась  
И достигла лика земли!  
На холодной земле Бакдёлёт  
Уважаемая женщина, согревалась,  
Ходя под тенью ее.  
Мой падишах Манас ожил,  
Ожил и вернулся, видимо?

С точки зрения корней символической картины сна – перед нами мифологическое переживание одухотворенного, универсального образа Мирового древа, как модели трехчастного мироздания, известного во многих культурных традициях. Таковы, например, архетипы-образы ясеня Иггдрасиль из скандинавской мифологии, священного дерева Симокары древнеегипетской мифологии, священного дерева “кальпа” (kalpataru, kalpa-vrikcha) древнеиндийской мифологии; “кальпа-сандал” в калмыцкой мифологии и эпосе. К ним примыкают великий дуб-дерево Аар Лууп

Мас и Златолиственная береза из якутских олонхо, “стоствольный вечный тополь” или “железный тополь” алтайских мифов; дуб у Лукоморья в русском фольклоре и т. д. [10]. “Корнями и кроной Иггдрасиль объемлет весь мир, именно на нем держатся небо, облака и звезды. У него три корня, один простерся на небо, второй – в средний мир, третий – в преисподнюю” [10, с. 152].

Во сне Каныкей космическая организация Байтерека определяется предваряющей картиной солнца и луны, которые вращаются вокруг центра – Мирового древа. Его быстрый рост из расщелины скалы с помощью трех могучих ветвей и достижение каждой определенной и видимых объектов вселенной – солнца, неба, а также укоренение другого ствола в противоположной стороне, в земле – это маркеры трехчастного мироздания – Верхнего, Среднего и Нижнего миров.

Сон Каныкей, жены Манаса, композиционно завершает мотив воскрешения из мертвых героя, служит развязкой сюжетной темы “Отравления козкаманов”. Толкование сновидения очень кратко и осуществляется самой сновидицей: “Падышам Манас тирилип, Тирилип келген жүрбөйбү” – “Оказывается мой Манас, *падышах*, ожил, Ожил и вернулся” [4, с. 100].

Символ Байтерек может в одном из своих заданных творцами-сказителями значений ассоциироваться с самим Манасом, который также выступает опорой своей семьи, центром, вокруг которого разворачиваются все остальные события эпоса. Покровительство Байтерек людям и покровительство Манаса народу как бы отждествляются в своей глубине и значимости.

Присутствие во сне членов семьи Манаса – отца, матери, жены – под стволами деревьев, в тени также подчеркивает стабильность семейной жизни, отсутствие трагических потрясений для каждого из них. Тень гигантского Байтерека во сне – символ милосердия, благосклонности, покровительства семье богатыря, исполнения сокровенных желаний, спасения человека, обитающего в срединном мире, – на земле.

В древнеиндийских мифах говорится, что дерево-кальпа исполняет желания тех, кто входит в его тень. А в скандинавской мифологии под деревом Иггдрасиль, в его тени, высшее божество древних скандинавов Один пасет своих чудесных коней. Примечательно, что в эпосе калмыков “Джангар” образ кальпы-сандала возникает перед главным героем Джангаром в подземном мире и наделяет своими чудесными листьями, чтобы тот смог найти останки своего друга Хонгора и с помощью их силы восстановить тело и оживить [11, с. 105].

В сюжетике якутских олонхо [12, с. 274] подросток герой находит священное дерево “Аар Луук Мас”, внутри которого живет богиня Аан Алахчын-хатун: она часто раскрывает герою его настоящее имя, одаривает боевым конем, оружием и, самое важное, объясняет, в чем его жизненное предназначение. Встретиться со священным деревом для героя означает добрый знак, например, разгадку своего предназначения.

Многие исследователи образов Мирового древа к его вариантам причисляют и индивидуальные деревья шаманов, по которым в своей экстатике камы, продвигаясь по стволу, добиваются до духов Верхнего или Нижнего миров, чтобы воздать жертвы духам, договориться с похитителями души больного человека и спасти его от гибели [10].

В радловском варианте образ-символ Байтерек возникает и во сне героя Семетея [4, с. 241]. Если в версии С. Каралаева необходимость совершить жертвоприношение на могиле Манаса исходило от побратима Канчоро как задуманная часть его предательского коварного плана убить Семетея, то в варианте, записанном В. Радловым, Семетей сам приходит к решению совершить обряд поминовения на могиле отца. Поводом к такому решению и служит его собственное толкование сновидения, которым он делится со своими побратимами:

Семетей туруп кеп айтат:  
 “Айланайын Кул-Чоро  
 Кагылайын Кан-Чоро  
 Түндө жатып түш көрдүм! –  
 Терек түптөн тербелди,  
 Теңис түптөн чайпалды!  
 Жапырмаган Байтерек,  
 Жаткан жериң ошо жер:  
 Кожо, молдо барысы  
 Бүткөн жериң ошо жер!  
 Кече өлүк менен тириктин  
 Арбагын эми качырдык,  
 Өлүк менен тириктин  
 Арбагы атка минип алды эле–  
 Арбакты козгоп таштадык...  
 ... Ак-бос бээни алалы!  
 Кан атаке бейтине  
 Азыр тайып келели!”

Семетей, проснувшись, говорит:  
 “Милый мой Куль-Чоро,  
 Дорогой мой Кан-Чоро,  
 Ночью отдыхая видел я сон –  
 Дерево от самых корней зашаталось,  
 Море от самого дна взволновалось!  
 Согнувшийся Байтерек,  
 Лежите вы в том месте!”

Все кожо и молдо  
Рождаются в том месте!  
Недавно души живых и мертвых  
Мы заставили бежать.  
Души живых и мертвых  
Оседлали коней –  
Расстревожили мы их...  
...Возьмем жертвенную кобылу,  
У могилы хана-отца  
Совершим сейчас же моление...”

Перед нами последовательно разворачивается картина природного катаклизма, и Байтерек изображен согнувшимся к земле. Под деревом, вероятно, поверженные, лежат богатыри Семетея. Упоминание мусульманских духовных служителей: молдо, кожо – это, конечно, позднейшее переосмысление на почве мусульманской религии, однако их рождение под деревом Байтерек – древний осколок мифологического представления о рождении шамана и воспоминание о сакральном характере Байтерека как символа жизни, упорядоченного мироздания, противопоставленного хаосу.

Во сне Байтерек изображен теряющим свою прямую вертикаль, как бы символизируя некую угрозу в мироздании. Но этих значений символа оказывается недостаточно, и герой делает упор на последующие картины сна, видя в них так же причину, а не следствие. Его больше растревожило появление и смешение среди людей духов-арваков, т. е. душ уже умерших, которые оседлали коней из табуна и мчатся, смешиваясь с живыми душами.

По данным Н.А. Алексеева, изучавшего шаманизм тюркоязычных народов Сибири, души умерших всегда отделены от людей и находятся в сакральных зонах Нижнего мира. Ученый пишет, что “согласно якутским верованиям, человек после смерти переселяется в страну мертвых и, будучи уже принадлежащим другому миру, может появляться среди людей лишь в виде злого духа, называемом юер – т. е. “табун”, “стадо”, так как они, по мифам, носились по земле, сбившись в суетливую толпу. Духом юер, по якутским верованиям, временно становился тот, при похоронах которого была допущена оплошность: не соблюден какой-нибудь обряд, не исполнено последнее желание и т. п. В таких случаях он “приходил” к своим близким во время их сна и просил “исправить ошибку”. Свои претензии он передавал иногда через шаманов или мэнэриков. Если родственники удовлетворяли просьбу, то покойник навсегда переселялся в мир мертвых. Когда требование юер не удовлетворялось, или действия участников похорон не удовлетворяло его, дух оставался в срединном мире и причинял всем вред” [13, с. 169].

По замыслу сказителя толкование сна Семетея, скорее всего, основано на подобных близких к якутским поверьям, которые бытовали в ранние времена и среди киргизских племен. Семетея еще не был осуществлен обряд аша – годовщины по отцу и его соратникам, погибшим в Большом походе. Поэтому желание героя исполнить временный заместительный обряд поминовения и жертвоприношения на могиле отца вполне оправдывает логику героя. Однако истина символических образов сновидения, заданных творческой волей сказителей, намного глубже. Достаточно взглянуть на структурное оформление сновидения: здесь нет между символами отделяющих формульных рефренов и пространство сна выглядит как единое событие, имеющее начало и конец, линейную временную протяженность, поэтому тождество символических образов, синонимия значений исключается.

Согласно учению о символе в теории литературы и искусства, наиболее явным из смыслов символа является тот, который вкладывается в него автором, художником, а в нашем случае творцами эпоса. “Смысл символа объективно осуществляет себя не как наличность, но как динамическая тенденция; он не дан, а задан. Этот смысл, строго говоря, нельзя разяснить, сведя к однозначной логической формуле, а можно лишь пояснить, соотнося его с дальнейшими символическими сцеплениями, которые подведут к большей рациональной ясности, но не достигнут чистых понятий”, – пишет С. Аверинцев [14, с. 378–379].

Сон, по замыслу сказителя, введен в сюжетную тему гибели героя Семетея для того, чтобы ввести слушателя в предстоящие драматические события, намекнуть с помощью сновидения на трагический исход, а прогностическая функция – показать неотвратимость этих событий.

Во сне образ пригнутого к земле дерева индизнаказательно замещает самого Семетея, а следующая картина скачущих душ умерших людей вместе с живыми людьми срединного мира, по всей вероятности, – символическое содержание следствия еще больших и тяжелых бед не только для семьи, но и для всего народа героя, которые окажутся после его смерти (превращения в каипа-призрака) в состоянии распрей из-за борьбы за власть и новом зависимом положении от врагов (хана Кыязя) и его пособника Канчоро, совершившего предательство. Таково подтекстовое прочтение символической с учетом сюжетобразующей и прогностической функции онейромотива.

Таким образом, Байтерек во сне Каныкей радловского варианта символизирует самого Манаса, как гаранта стабильности семьи и опоры. Сохраняя традиционно принятую характеристику героя,

символ, благодаря своей недосказанности, углубляет образ богатыря, с которым он отождествляется. Символ Байтерек, будучи свернутым мифом, представленным своим традиционным описанием, репрезентирует и свои архетипические смыслы как Древа жизни – дарителя новой жизни, спасителя от смерти, знака исполнения сокровенных желаний сновидца, обретения богатства, мудрости и счастья. До сих пор в народных поверьях нашего народа бытует представление о том, что если человеку приснится дерево, то это к добру, к прибавлению в семье, богатству, исполнению предначертанной судьбы.

В то же время утрата своей прямой вертикали Байтереком во сне Семетея, либо его горизонтальное положение, как во сне Каныкей в сюжетной теме Великого похода варианта С. Каралаева и в обрядовых плачах, – амбивалентный знак гибели героя.

#### **Литература**

1. *Лотман Ю.* Семiosфера / Ю. Лотман. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. URL: <http://oomnik.iling.spb.ru/mathling/kulturologiya/yu-m-lotman-semiosfera-kultura-i-vzryv>
2. *Юнг К.Г.* Душа и миф: шесть архетипов / К.Г. Юнг. Киев: Государственная библиотека Украины для юношества, 1996.
3. *Молдобаев И.* “Манас” – историко-культурный памятник кыргызов / И. Молдобаев. Бишкек: Кыргызстан, 1995.
4. *Wilhelm Radloff.* Manasdestani / Yayinahazirlayan Prof. Dr. EmineGursoy-Naskali. Birinci Baski. Turksoyuyinlari. 1995.
5. Манас: Кыргыз элинин баатырдык эпосу. С. Орозбаковдун варианты боюнча. Түз.: С. Мусаев. Бишкек: Хан-Тенир, 2010.
6. Семетей. Эпос: 3-китеп. Жусуп Мамайдын варианты боюнча. Түз.: К. Кырбашев. Бишкек: Шам, 1995.
7. Манас: С. Каралаевдин варианты боюнча. Түз.: А. Жайнакова, А. Акматалиев. Бишкек: Турар, 2010.
8. Семетей: Эпос. Саякбай Каралаевдин варианты боюнча. Фрунзе: Кыргызстан, 1-Китеп, 1986.
9. *Юдахин К.К.* Киргизско-русский словарь: в 2 кн. / К.К. Юдахин. Фрунзе: Главная редакция Киргизской Советской энциклопедии, 1985.
10. *Евсюков В.В.* Столп Вселенной / В.В. Евсюков // Мифы о Вселенной. Из истории мировой культуры. Новосибирск: Наука, 1988. URL: <http://mifolog.ru/books/item/f00/s00/z0000036/index.shtml>
11. Джангар: Калмыцкий народный эпос. URL: <http://www.rulit.me/books/dzhangar-read-324081-106.html>
12. *Емельянов Н.В.* Сюжеты якутских олонхо / Н.В. Емельянова. М.: Наука, 1980.
13. *Алексеев Н.А.* Шаманизм тюркоязычных народов Сибири: опыт ареального сравнительного исследования / Н.А. Алексеев. Новосибирск: Наука, 1984.
14. Символ // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987.